

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МИРАЖИ

Социология риска: ключевые идеи*

О.Н. ЯНИЦКИЙ

Статья посвящена ключевым идеям социальной рискологии. Анализируется ее эволюция, включая парадигмы и модели, представляющие собой теоретический мост от эмпирического анализа рисков к собственно концепции общества риска. Эксплицируются ее методологические основания: риск не побочный, а регулярно и легитимно производимый общественный продукт; возникновение общества риска сопровождается пересмотром его нормативного идеала; производство рисков политически рефлексивно — под его воздействием формируются новые социальные размежевания и политические силы; в современных условиях риск существует главным образом в форме знания о них. Риски детерминируют пределы безопасности в любом обществе.

Автор выдвигает собственную концепцию общества риска применительно к российским условиям. Ее ключевыми моментами являются: отсутствие в обществе согласия относительно базовых целей и ценностей; реактивность культурного процесса; политическая стабилизация ценой демодернизации; растущая приватизация социального порядка; среда обитания, накапливая и распространяя риски, превращается в тормоз социетальной динамики российского общества.

Риск: реальность или социальный конструкт

В литературе существуют два крупных направления интерпретации риска как социального феномена. Согласно реалистическому подходу, риск интерпретируется в научных и технических терминах. Это направление восходит к когнитивным наукам, базирующимся на психологии, и практикуется инженерными дисциплинами, экономикой, статистикой, психологией и эпидемиологией. Исходным моментом такого подхода является понятие опасности (вреда), а также утверждение о возможности вычисления его наступления и калькуляции последствий. В этом случае риск определяется как «продукт вероятности возникновения опасности и серьезности (масштаба) ее последствий» [Bradbury 1989, p.382].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант № 01-03-00257а).

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсу «Социология риска».

Иными словами, риск трактуется как объективный и познаваемый факт (потенциальная опасность или уже причиненный вред), который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды. Тем не менее адепты данного подхода признают, что риск может быть ошибочно оценен в рамках того или иного способа социальной интерпретации, поскольку, по верному замечанию М. Дуглас, «опасности трактуются как независимые переменные, а реакция людей на них — как зависимая» [Douglas 1985, p. 25].

Главная проблема заключается в конструировании рисков в качестве социальных фактов. К тому же восприятие не только обычных людей, но и экспертов, вычисляющих «объективный риск», зависит от политического и культурного контекстов. Отсюда возникает другое мощное направление анализа риска — социокультурное. Здесь упор делается на социальный и культурный контексты, в рамках которых риск воспринимается и дебатруется. Это направление возникло на базе таких гуманитарных дисциплин, как философия, культурная антропология, социология и культурная география.

Историки социологии риска условно выделяют во втором направлении три подхода — культурно-символический, развитый М. Дуглас и ее коллегами, теорию «общества риска», представляемую У. Бемом и Э. Гидденсом, и «калькулятивной рациональности», опирающийся на работы М. Фуко. Первый подход фокусируется на проблемах взаимоотношения «Личности» и «Другого» с особым интересом к тому, как человеческое тело символически и метафорически используется в дискурсе и практиках вокруг проблемы риска. Второй концентрируется на макросоциальных изменениях, порождаемых производством рисков при переходе к высокой модернизации. Это процессы рефлексивной модернизации, критика последствий предшествующего этапа модернити и индивидуализма, последствия разрушения традиционных ценностей и норм. Адептов третьего подхода мало интересует, «что есть риск на самом деле», поскольку они полагают, что «правда о риске» конструируется посредством человеческого дискурса, стратегий, практик и институций. Они также исследуют, как различные концепции риска порождают специфические нормы поведения, которые могут быть использованы для мотивирования индивидов к свободному участию в процессах самоорганизации в рисковенных ситуациях [Lupton 1999, p. 25].

Для простоты понимания надо выделить линии рискологических исследований — умеренную и радикальную. Сторонники умеренной полагают, что риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. Представители радикальной утверждают, что риск как таковой не существует. Есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир.

Культура созидаящая и культура разрушающая

Мы привыкли понимать культуру как нечто исключительно позитивное, дарующее людям моральные ориентиры, устойчивость бытия и духовные силы. Между тем во всякой культуре есть темная сторона, прежде всего потому, что производительной деятельностью человек разрушает среду собственного обитания,

Социология риска: ключевые идеи

оставляя за собой, по выражению Ф. Энгельса, пустыню. Эта линия в философии истории гораздо старше, так как идет еще от Гераклита.

Дж. Вико (1668—1744) утверждал, что все общества проходят цикл из трех эпох, завершающийся их распадом. О. Шпенглер, называя культуры большими индивидуумами, полагал, что их история подобна истории отдельного человека, который в конечном счете умирает [Spengler 1996]. А. Тойнби также считал, что развитие цивилизаций циклично и завершается их распадом [Тойнби 1991]. Р. Парк, один из основоположников Чикагской школы социологии, утверждал, что современные городские системы порождают «яды», разрушающие их традиции и социальный порядок. «Так же, как тело человека порождает яды, — писал Р. Парк, — которые в конце концов приводят к его гибели, коллективная жизнь в процессе развития и в результате попыток ответить на требования, выдвигаемые этим развитием, приводит к болезням и порокам, которые разрушают это сообщество». Политическое тело города также умрет, отравленное внутренними ядами [Park 1924, p. 956—957].

«Естественные производительные силы не безграничны, — писал в конце XIX в. В. Соловьев, — *народ рано или поздно съедает землю*, если не перейдет от первобытного, хищнического хозяйства к искусственному или рациональному»... Эта «уже наступившая беда не есть частное и случайное явление, а роковое следствие общего стихийного процесса, который несомненно будет ускорен беспечно-хищническим отношением населения к природе... Медленно накопившиеся изменения климата и почвы, заметные и прежде отдельным более внимательным наблюдателям, достигли в настоящее время результата такой величины, которая бросается в глаза всем, переступает, так сказать, порог общественного сознания» [Соловьев 1989, с. 433, 438].

Русский ученый и путешественник А.П. Семенов-Тянь-Шанский называл человека века техники геологическим парвеню, разрушающим всю гармонию жизни. В.И. Вернадский еще в начале прошлого века предупреждал, что человек действует в планетном аспекте, т. е. глобально, неизбежно и непрерывно изменяя биосферу [Вернадский 1977, с. 24]. Обозревая состояние советского общества в начале 1930-х годов, Вернадский писал: Будущее для нас темно... Нет ни пафоса, ни подъема, ни веры» ...<...>... «более крупные <личности> уходят и заменяются низшим сортом... Разрушается и изолируется от культуры институт науки: она все более работает по принципу "максимум усилий — минимум достижений"» [Вернадский 2001, с. 231, 281, 283].

Конец «Другого»

В.И. Вернадский показал, что человечество является мощной геологической силой: изменяя среду своего обитания, оно изменяет самого себя. Однако труды крупнейших естествоиспытателей не были отрефлексированы социологией — она продолжала базироваться на парадигме Э. Дюркгейма («социальные факты порождаются только социальными фактами»). И все-таки в конце прошлого столетия социология обогатилась двумя важнейшими постулатами. Обозначим их как «средовой» и «интеграционный». Первый из них гласит, что социальные факты порождаются не только социальными, но и природными и — шире

— средовыми фактами. Поэтому нет более разделения на природу и общество, есть их симбиоз, социализированная природа. Согласно второму, человеческий социум стал «малым» и взаимопроникаемым: территориальное или социальное дистанцирование более не является средством защиты от риска.

Первый постулат в современной социологии представлен Новой экологической парадигмой [Dunlap 1980], в которой «внешние» экологические (средовые) ограничения, налагаемые на человеческую деятельность, впервые интерпретированы как социальные факты, т. е. как внутренние социальные регуляторы общественной жизни.

Вот основные положения этой парадигмы: 1. «Хотя человеческие существа обладают уникальными характеристиками (культура, технологии и т. д.), они находятся в ряду других существ, взаимозависимых и вовлеченных в глобальную экосистему; 2. Человеческое поведение находится под воздействием не только социальных и культурных факторов, но и сложной системы связей (причин, следствий, обратных связей) природы; поэтому целенаправленные социальные действия имеют массу непредвиденных последствий; 3. Человеческие существа живут в биофизической среде и зависимы от нее; последняя налагает физические и биологические ограничения на человеческую деятельность; и 4. Хотя изобретательность людей и обретаемая посредством этого сила могут создать иллюзию повышения несущей способности среды, экологические законы не могут быть отменены» [Cotton, Dunlap 1980, p. 34]. Показательно, что эта парадигма разрабатывалась как антитеза парадигме человеческой исключительности, имеющей глубокие исторические и нравственные корни, в частности в христианской традиции. Как подчеркивал У. Бек, «наша эпоха — конец противопоставления общества и природы. Нет природы вне общества, как и нет общества вне природы. В конце двадцатого века природа *есть* общество, а оно — также природа» [Beck 1992, p. 81]. Природа «становится продуктом, интегральной деятельности, формируемой "внутренней природой" постиндустриального общества» [Beck 1994, p. 27].

Второй постулат (сжатие социума и взаимопроникновение его частей) был обозначен У. Бекком как конец «Другого», т. е. как принципиальная невозможность дистанцирования от рисков в современном мире. Из данного положения логически вытекает другой, методологически важный вывод: не «человек и риск» или «общество и риск», а *общество риска*, иначе говоря, понимание производства рисков как имманентно присущего всякому виду общественного производства.

От изучения рисков к концепции общества риска

В течение столетия социология проделала путь от изучения множества отдельных рисков и рискогенных ситуаций к пониманию того, что само общество является генератором рисков. К середине 1980-х годов изучение рисков стало все более запутанным и хаотичным: риск-анализу явно не хватало центрального фокуса. Через разнообразие методов и подходов к анализу рисков красной нитью проходила заинтересованность социологов рискогенностью различных составляющих социальной ткани — от межличностных процессов и сетей до социальных институтов и структур, от первичных групп и символичес-

Социология риска: ключевые идеи

ких интеракций до социальных движений и крупномасштабных организаций и систем [Short 1984, p. 711-712].

Но дело заключалось не только в разнообразии рисков, их масштаба и направленности. Исторически широко известная и вполне тривиальная мысль о двойственности, двусмысленности всякого орудия, социального действия, организации наконец получила научный статус. Действительно, дубина, нож, автомат — одновременно инструменты креативной и разрушительной деятельности, защиты и нападения. Освободители на поверку часто оказываются завоевателями, защитники — агрессорами или оккупантами. Безопасность для одних превращается в опасность, риск для других. Сегодня существуют тысячи орудий, веществ, групп, официально имеющих статус двойного назначения. То же можно сказать и о социальных институтах, организациях, сообществах. Все или почти все может быть использовано как во благо, так и во вред. Более того, благое дело совсем не обязательно отзывается тем же. Напротив, оно зачастую порождает желание превратить даруемое благо в риск, в моральные или физические потери для благодетеля. Не зря родилось утверждение: «Ни одно доброе дело не остается без наказания».

Дальнейшее сосредоточение исследований на отдельных аспектах социальной ткани затемняло общий интерес и могло привести к пренебрежению проблематикой, которая впоследствии стала одной из основных в современной социологии. Нужна была некоторая объемлющая концепция. В течение двух последних десятилетий прошлого века Н. Луман, Э. Гидденс и У. Бек создали такие генерализующие концепции.

Социологическая теория риска Н. Лумана напрямую связана с критикой рациональности современного общества. Социология, пишет Луман, должна поставить вопрос о том, «как общество объясняет и выправляет отклонение от нормы, неудачу или непредвиденную случайность. Эта темная сторона жизни, этот груз разочарования, когда ожидания ни к чему не приводят, должны стать более очевидными, чем сильнее наша надежда на нормальный ход событий». И далее: «Объяснение нарушения не может быть оставлено на волю случая: необходимо показать, что это нарушение имеет свой собственный порядок, так сказать вторичную нормальность. Таким образом, вопрос, как объясняются и как обходятся несчастья, содержит значительный критический потенциал — критический не в смысле призыва к отрицанию общества, подверженного несчастьям, а критического в смысле обострения обычно неочевидной способности проводить отличия. Дело заключается скорее в том, что мы можем познать нормальные процессы нашего общества, изучая, как общество пытается осмыслить свои неудачи в форме риска». Риск является обратной стороной нормальной формы, и «только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы и можем распознать ее как форму» [Luhmann 1993, p. VIII]. Не трудно заметить, что Луман фактически повторяет основной тезис Ч. Перроу о нормальности отклонения.

Если мы сохраняем дихотомию нормального/отклоняющегося как инструмент для наблюдения за современным обществом, продолжает Луман, то уместен вопрос о том, как мы понимаем «рациональное общество», если рациональность в просветительски-идеологическом смысле утратила свое былое значение. Или более фундаментально: «Как мы понимаем наше общество, если

превращаем понятие риска — бывшего когда-то актуальным лишь для некоторых групп, подвергавших себя особой опасности, — в универсальную проблему, неизбежную и неподдающуюся решению? Что теперь становится необходимым?.. Как общество при нормальном ходе выполнения своих операций справляется с будущим, в котором не вырисовывается ничего определенного, а только более или менее вероятное или невероятное?» [Luhmann 1993, р. IX].

Характерной чертой постсовременного общества, по Луману, является не столько потребность создания условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтернативам, которые разрушают условия для общественного консенсуса и подрывают основы коммуникации. Поведение, ориентированное на такие случайности, и принятие таких альтернатив являются противоречивыми. «Все усилия основать решения на рациональном подсчете не только остаются безуспешными, но в конечном счете также подрывают требования метода и процедур рациональности» [Luhmann 1993, р. X].

По утверждению Лумана, «современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального» [Luhmann 1993, р. 18]. Принимаемые решения всегда связаны с рисковыми последствиями, по поводу которых принимаются дальнейшие решения, также порождающие риски. Возникает серия разветвленных решений, или «дерево решений», накапливающее риски. В процессах накопления эффектов принятия решений, в долгосрочных последствиях решений, не поддающихся вычислению, в сверхсложных и посему не просматриваемых причинных связях существуют условия, которые могут содержать значительные потери или опасности и без привязки к конкретным решениям [Luhmann 1993, р. 23]. Таким образом, потенциальная опасность таится в трансформации цепи безличных решений в некоторый безличный, безответственный и опасный продукт.

Луман предлагает подойти к понятию риска через понятие *порога бедствия*. Результаты подсчета риска можно принимать, если вообще можно, лишь не переступая порог, за которым риск мог бы трактоваться как бедствие. Причем необходимо принимать в расчет, что порог бедствия будет расположен на самых разных уровнях, в зависимости от характера вовлеченности в риск: в качестве субъекта принятия решения или в качестве объекта, вынужденного выполнять рискованные решения [Luhmann 1993, р. 3].

Восприятие риска и его «принятие» являются не психологическими, а социальными проблемами: человек поступает в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми к нему его постоянной референтной группой. В современном обществе на первый план выдвигаются вопросы о том, *кто принимает решения*, и должен или нет (и в каком материальном и временном контексте) риск приниматься в расчет. Таким образом, к дискуссии о восприятии риска и его оценке добавляется проблема выбора рисков, которая контролируется социальными факторами [Luhmann 1993, р. 4].

Социология получает новую возможность выполнять свою традиционную функцию предупреждения общества. Даже если социолог знает, что риски выбираются, то почему и как он сам это делает? «При достаточной теоретической рефлексии, мы должны признать, по меньшей мере, "аутологический" компонент, который всегда вклинивается, когда наблюдатели наблюдают наблюдате-

Социология риска: ключевые идеи

лей... Из всех наблюдателей социология должна первой осознать этот факт. Но и другие делают то же самое. То, что выходит за пределы этих действий, это теория выбора всех социетальных операций, включая наблюдение за этими операциями, и даже включая структуры, определяющие эти операции. Для социологии тема риска должна быть, следовательно, подчинена теории современного общества. Но такой теории нет... Нет и определения риска, которое могло бы удовлетворить научным требованиям...» [Luhmann 1993, p. 6].

Социологическое наблюдение для Лумана — это наблюдение второго порядка или наблюдение наблюдения. Чтобы соотнести оба уровня наблюдения, Луман вводит различие риска и опасности. Если потенциальный урон «привязывается к решению» и рассматривается как его последствие, тогда речь идет о риске решения. Если же возможный урон анализируется как обусловленный внешними факторами, т. е. привязывается к окружающей среде, тогда можно говорить об опасности [Luhmann 1993, p. 21—22]. Это не означает, что определение чего-то как риска или опасности полностью оставлено на милость наблюдателя. «Существует определенный барьер, например, необратимый сдвиг в экологическом балансе или возникновение бедствия уже не может быть связано с каким-то конкретным решением...» [Luhmann 1993, p. 26].

Как бы то ни было, подчеркивает Луман, в современном обществе нет поведения, свободного от риска. Для дихотомии риск/безопасность это означает, что нет абсолютной надежности или безопасности, тогда как из дихотомии риск/опасность вытекает, что нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения. Другими словами, надо оставить надежду, что новое знание увеличивает вероятность перехода от риска к безопасности. Напротив, чем лучше мы знаем то, что мы не знаем, тем более глубоким становится наше осознание риска. Чем более рациональными и детальными становятся наши вычисления, тем больше аспектов, включающих неопределенность по поводу будущего и, следовательно, риска, попадает в поле нашего зрения. «Современное риск-ориентированное общество — это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания» [Luhmann 1993, p. 28].

Наконец, Луман, как и другие, видит в проблеме риска политический аспект. Так как политическая оценка допустимого риска или безопасной технологии будет играть значительную роль, «пространство для соглашения будет, скорее всего, найдено в этом поле, а не в поле различных мнений по поводу первичного риска. Но именно такая перспектива перетягивает политику на ненадежную территорию. Политика подвержена не только обычным и очевидным тенденциям гипероценки или недооценки рисков, что изначально вызывает политизацию тем, но также искажениям, проистекающим из того факта, что первичный риск считается контролируемым или неконтролируемым в зависимости от предполагаемого результата. Любая оценка риска была и остается контекстуально обусловленной» [Luhmann 1993, p. 30]. Поэтому «мы должны по-другому взглянуть на различие риска и опасности в этом контексте, в частности в отношении к политике. Если бы это было только вопросом опасности в смысле природного бедствия, упущенная возможность его предотвращения сама стала бы риском. Очевидно, политически легче дистанцироваться от опасностей, чем от рисков — даже там, где вероятность потери или масштаб потери больше в

случае опасности, чем в случае риска... Если даже предотвращение ущерба возможно в обоих ситуациях, могло бы тем не менее быть уместным <заранее> определить, трактуется ли первичная проблема как опасность или как риск» [Luhmann 1993, p. 31].

Современная коммуникация, по Луману, предполагает выбор между альтернативами, что само по себе является рисковым. Но, несмотря на подрыв основ традиционной рациональности, коммуникация, и ничто иное, остается тем средством, с помощью которого общество как система производит и воспроизводит себя. Именно коммуникация обеспечивает социальное сцепление. Луман ищет решение проблемы нормализации общества в аутопойэтическом типе коммуникации. Термин «аутопойэтический» означает, что формирование и структурирование системы не являются следствием воздействия внешних факторов. Протест не импортируется в систему из внешней среды; это конструкт самой социальной системы. Система познает себя в процессе, посредством которого все факты, ей доступные, прессуются в форму протеста и воспроизводятся с ее помощью. Система «открыта по отношению к теме и случайному событию, но закрыта в отношении логики формирования протеста». И далее очень важное замечание, перекликающееся с активистской парадигмой А. Турэна: «Общество таким образом осмысливает себя в форме протеста против себя самого» [Luhmann 1993, p. 127, 140].

Итак, Луман предлагает не завершенную социологическую теорию риска, а варианты рефлексии по поводу возможностей создания такой теории. Он пытается поставить социолога в положение не критика современного общества, вошедшего в эпоху глобального риска, а компетентного эксперта, помогающего обществу вернуть утраченное состояние «нормальности».

Э. Гидденс, анализируя процессы модернизации и ее переход в более высокую (рефлексивную) стадию, не уделял, как Луман, столь пристального внимания эпистемологии риска. Но, может быть, именно поэтому он выявил те структурные элементы социума, трансформация которых порождает риски. Назову их очень кратко.

Гидденс, как и У. Бек (см. об этом ниже), отметил двусторонний характер перехода к стадии рефлексивной модернизации, ввел понятие «разъединение», т. е. изъятие социальных отношений из локального контекста и их включение в контекст глобальный, постоянно подчеркивая, что модернизи внутренне присуща тенденция к глобализации. «Немыслимая и всевозрастающая взаимозависимость повседневных решений и глобальных последствий есть ключевой пункт новой повестки дня» [Giddens 1994, p. 58]. Он ввел понятие безличных институтов (абстрактных систем), указав при этом, что природа социальных институтов модерна тесно связана с настройкой механизмов доверия в этих системах. Вообще, доверие является базовым фактором для существования в условиях пространственно-временной дистанцированности, присущей веку модерна. Автор ввел также понятие «онтологическая безопасность», т. е. ощущение надежности людей и вещей, надежности и предсказуемости повседневной жизни. Гидденс уделил много внимания соотношению модерна и традиции. Модернизация разрушает традицию главным «врагом», которой является растущая институциональная рефлексивность. Но, по мнению Гидденса (и это важно для нас), «сотрудничество» модерна и традиции было критически важным на его ранних

Социология риска: ключевые идеи

стадиях, когда предполагалось, что риск может быть калькулирован [Giddens 1994, p. 91].

Современное общество рискогенно, хотим мы этого или нет; даже бездействие чревато риском. Анализируя собственно механику производства рисков, Гидденс подчеркивал, что современный мир структурируется главным образом рисками, созданными человеком. Эти риски имеют ряд отличительных признаков. Во-первых, современные риски обусловлены глобализацией в смысле их «дальнодействия» (ядерная война). Во-вторых, глобализация рисков, в свою очередь, является функцией возрастающего числа взаимозависимых событий (например, международного разделения труда). В-третьих, современный мир — это мир «институционализированных сред рисков», например, рынка инвестиций, от состояния которого зависит благополучие миллионов людей. Производство рисков динамично: осведомленность о риске есть риск, поскольку «разрывы» в познавательных процессах не могут быть, как прежде, конвертированы в «надежность» религиозного или магического знания. В-четвертых, современное общество перенасыщено знаниями о рисках, что уже само по себе является проблемой. В-пятых, Гидденс (так же, как Бек и Луман) указывал на ограниченность экспертного знания как инструмент элиминирования рисков в социетальных системах [Giddens 1990].

Наконец, Гидденс ввел чрезвычайно важное для наших последующих рассуждений понятие «среда риска» в современном обществе, выделив три ее компоненты: угрозы и опасности, порождаемые рефлексивностью модернити; угроза насилия над человеком, исходящая от индустриализации войн, и угроза возникновения чувства беспечности, бессмысленности человеческого существования, порождаемая попытками человека соотнести свое личное бытие с рефлексивной модернизацией [Giddens 1990, p. 102].

Наиболее завершенная концепция общества риска принадлежит У. Беку. Согласно Беку, риск — это не исключительный случай, не «последствие» и не «побочный продукт» общественной жизни. Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества — экономической, политической, социальной [Beck 1992; 1994; 1995]. Риски — неизбежные продукты той машины, которая называется принятием решений.

Риск, полагает Бек, может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой. Риски в отличие от опасностей прошлых эпох — следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха [Beck 1992, p. 45]. Общество риска — это фактически новая парадигма общественного развития. Ее суть состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключавшаяся в накоплении и распределении богатства, все более перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространения рисков. В конечном счете расширяющееся производство рисков подрывает сам принцип рыночного хозяйства и частной собственности, поскольку систематически обесценивается и экспроприируется (превращается в отходы, загрязняется, омертвляется и т. д.) произведенное общественное богатство. Расширяющееся производство рисков угрожает также фундаментальным основам рационального поведения общества и индивида — науке и демократии.

Не менее важно, что одни страны, общности или социальные группы, согласно данной теории, только извлекают прибыль из производства рисков и пользуются производимыми благами, другие же подвергаются воздействию рисков.

Однако, замечает Бек, производство рисков весьма «демократично»: оно порождает эффект бумеранга, в конечном счете настигая и поражая тех, кто наживался на производстве рисков или же считал себя застрахованным от них. Отсюда другой вывод: производство рисков — мощный *фактор изменения социальной структуры общества*, перестройки его по критерию степени подверженности рискам. Это, в свою очередь, означает, что в обществе складывается новая расстановка политических сил, в основе которой лежит борьба за определение, что рискогенно (опасно), а что нет.

Следовательно, «политический потенциал общества риска должен быть проанализирован социологической теорией в терминах производства и распространения знаний о рисках». И далее Бек делает вывод, имеющий непосредственное отношение к экологической политике: «Социально осознанный риск политически взрывоопасен: то, что до сих пор рассматривалось, как *неполитическое, становится политическим*» [Beck 1992, p. 24]. Иными словами, риски «*политически рефлексивны*», т. е. вызывают к жизни новые политические силы (например, социальные движения) и оказывают влияние на существующие социальные институты общества.

В формировании идеологии и политики современного общества одну из ключевых ролей играет наука, производство знаний. Теория «общества риска» утверждает, что с расширением производства рисков, особенно мегарисков, роль науки в общественной жизни и политике существенно изменяется. Ведь большинство рисков, порождаемых успехами научно-технической модернизации, причем наиболее опасных (радиоактивное и химическое загрязнение, неконтролируемые последствия генной инженерии), не воспринимаются непосредственно органами чувств человека. Эти риски существуют лишь в форме знания о них. Отсюда специалисты, ответственные за определение степени рискогенности новых технологий и технических систем, а также средства массовой информации, распространяющие знания о них, «приобретают ключевые социальные и политические позиции» [Beck 1992, p. 23].

Еще одна проблема — это политическая интерпретация технического и естественно-научного знания. Это знание не может быть использовано непосредственно в политическом процессе. Необходим перевод этого знания на язык политического диалога и решений. Этот перевод осуществляется политически ангажированным научным сообществом, которое «превращается в фактор, легитимизирующий глобальное промышленное загрязнение, равно как и всеобщий подрыв здоровья и гибель растительности, животных и людей» [Beck 1992, p. 59]. Формируется институт экспертов, который приобретает самодовлеющее политическое значение, поскольку именно он определяет, что и насколько опасно. Именно эксперты определяют уровень социально-приемлемого риска для общества.

Привилегированное положение корпуса экспертов влечет за собой негативные последствия. Эксперты превращаются в элиту, третирующую остальное население как алармистов, подрывающих общественный порядок. Разделение

Социология риска: ключевые идеи

общества на экспертов и всех остальных вызывает у населения стойкую реакцию недоверия к науке и технологической сфере, поскольку эксперты систематически скрывают или искажают информацию о рисках, а также не могут ответить на вопросы, выдвигаемые населением и его инициативными группами. Борьба между политически ангажированными экспертами затрудняет оценку истинного состояния среды обитания и поиск адекватных решений. В результате наука как социальный институт разделяется на академическую или лабораторную (наука фактов) и науку опыта, которая, основываясь на публичных дискуссиях и жизненном опыте, «раскрывает истинные цели и средства, угрозы и последствия происходящего» [Beck 1995, p. 15]. Бек полагает, что наука опыта в обществе риска должна не только развиваться, но и быть принята обществом как легитимный институт знаний, уполномоченный принимать решения.

Нам представляются важными еще три положения этой теории. Во-первых, это пересмотр основополагающей нормативной модели общества. Если нормативным идеалом прошлых эпох было равенство, то нормативный идеал общества риска — безопасность. Социальный проект общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер — не достижение «хорошего», как ранее, а предотвращение «наихудшего». Иными словами, система ценностей «неравноправного общества» замещается системой ценностей «небезопасного общества», а ориентация на удовлетворения новых потребностей — ориентацией на их самоограничение» [Beck 1992, p. 49]. Во-вторых, в обществе риска возникают новые социальные силы, разрушающие старые социальные перегородки. Бек полагает, что это будут общности «жертв рисков», а их солидарность на почве беспокойства и страха может порождать мощные политические силы. В-третьих, общество риска политически нестабильно. Постоянное напряжение и боязнь опасностей раскачивают политический маятник от всеобщей опасности и цинизма до непредсказуемых политических действий. Недоверие к существующим политическим институтам и организациям растет. Нестабильность и недоверие периодически вызывают в обществе поиск точки опоры — «твердой руки». Таким образом, возврат к прошлому, в том числе авторитарному и даже тоталитарному, не исключен.

Век неопределенности

Некоторые исследователи, чтобы избежать «негативного» наклонения в определении общества риска (катастрофы, опасности, беды), говорят, что риск — это просто вероятность наступления некоторого события, затрагивающего жизненные интересы человека и общества. В метатеоретическом смысле, утверждает один из ведущих теоретиков-рискологов США Ю. Роза, риск может быть определен, как «событие или ситуация, в которых нечто ценное для человека, включая его собственную жизнь, поставлено на карту, и последствия этого события (ситуации) являются неопределенными» [Rosa 1998, p. 11]. Основным смысл понятия риска в самом общем виде заключен, таким образом, в терминах «ценность» и «вероятность» («неопределенность») последствий.

Важнейшим свойством современной эпохи становится неопределенность. Общество риска можно назвать обществом неопределенности и двойственности (З. Бауман). Это означает, что риск — это всегда событие или явление с неопределенными последствиями. Двойственность любого решения, сопряженность любого блага с возможно еще большим ущербом, выходит в «обществе риска» на первый план. Риски модернизации вносят неопределенность в каждую клетку общества, в каждую ситуацию и событие. Кроме того, неопределенность и двойственность «общества риска» обусловлены рефлексивностью этого общества, т. е. разрушением традиционных оснований (индустриального общества) и перестройкой общества на новых основах. Это подразумевает постоянное определение и переопределение основных социальных институтов и категорий, смену осей социальной системы координат. Индивиды освобождаются от определенностей и привычного образа жизни, характерных для индустриальной эпохи. «Система координат, в которой протекали жизнь и мышление в эпоху индустриальной модернизации — оси пола, семьи и профессии, вера в науку и прогресс — начинает расшатываться» [Beck 1992, p. 15].

Неопределенность порождается растущей проницаемостью современных обществ. Эпоха территориальных границ и иных размежеваний сменилась эпохой сетей и потоков (ресурсных, информационных и иных). Социальные, ресурсные и иные сети обладают выраженным ядром и чрезвычайно размытой периферией. Социальные события, особенно катастрофы, имеют фиксированную дату начала, но цепь их последствий теряется во времени. То же можно сказать и о затратах на борьбу с ними и с другими опасностями. Не только о сроках, но и о самой возможности восстановления разрушенных экосистем ученые никогда не говорят определенно.

Сегодня не может быть единственного эксперта по данному конкретному риску. Мнение одного специалиста перекрывается мнением другого. Кроме того, как замечает П. Словик, мнения экспертов так же подвержены предубеждениям, как и мнения общественности, особенно когда эксперты вынуждены выходить за рамки доступных данных и полагаться на интуицию [Slavic 1987, p. 281]. Это — принципиально важный вывод.

Ч. Перроу ввел понятие «нормальный несчастный случай». Самые совершенные социотехнические системы время от времени отказывают, и приходится высчитывать вероятность наступления критических ситуаций (аварий) [Perrow 1984]. Такой анализ следует начинать с социального и культурного контекстов опасностей и сопутствующих рисков, включая определение того, что подвержено риску, а это не может быть четко очерчено во времени и пространстве. Более того, люди конструируют сложнейшие технические системы, но не знают, как при необходимости от них избавиться. Глобализация социотехнических систем повышает вероятность сбоев и катастроф во много раз.

Таким же вероятностным феноменом является восприятие риска людьми (группой), от которых, в свою очередь, зависит определение степени приемлемости риска в данном обществе или группе. Комментируя нарастающую неопределенность вывода при анализе цепочки, которая тянется от социальной ткани как контекста риска до попыток вычисления степени приемлемости риска, Дж. Шорт замечает, что подходы к изучению приемлемости риска не учитывают необходимости разработки вероятностного анализа состояния

Социология риска: ключевые идеи

общества в качестве источника субъективизации восприятия и определения порогов терпимости [Short 1984, p. 715—716].

Общий вывод состоит в том, что все проблемы, которыми занимается социология, включая социологию риска, никогда не могут быть решены полностью и окончательно. Понимание этого является важной демистифицирующей функцией социальных наук и тем самым той услугой, которую они смогут оказать обществу.

Восприятие — понимание — действие

Как только исследователь задается целью определить риск для индивида или группы (и тем более социально приемлемый риск для всего общества), выясняется гигантская трудность задачи, поскольку любая система исчисления риска опосредуется личностными предпочтениями, культурой и политическим контекстом. Классический пример анализа данной проблематики представляет собой работа М. Дуглас и А. Вильдавски «Риск и культура» [Douglas, Wildavsky 1982]. Замечу, что в том же году я пытался проанализировать историческую динамику культурной интерпретации риска, в частности определение путей социокультурного перехода между естественно-научным знанием и политическим действием. Было введено понятие социальной (социокультурной) интерпретации технического и естественно-научного знания [Яницкий 1982].

Дуглас и Вильдавски задаются вопросом: «Можем ли мы знать риски, с которыми мы сталкиваемся сейчас или столкнемся в будущем?» И сами отвечают: «Нет, мы не можем; однако же должны действовать так, как будто мы знаем. Некоторые опасности нам неизвестны; другие известны, но не нам, поскольку ни один человек не может знать все. Чаще всего люди не могут быть осведомлены о большинстве рисков. Следовательно, никто не может вычислить риск, с которым предстоит столкнуться обществу. ...<...> Современный анализ риска имеет три особенности. Первая состоит в том, что разногласия насчет этой проблемы глубоки и широко распространены в западном мире. Вторая в том, что разные люди беспокоятся о разных рисках — войне, загрязнении, занятости или инфляции. Третья заключается в том, что знание и действие не синхронны: какие бы программы для снижения риска ни принимались, им не удастся очевидно следовать принципу максимума возможного, чтобы предотвратить наибольший ущерб. В общем, разногласия насчет того, что рискованно, насколько оно рискованно и что с этим делать» весьма существенны [Douglas, Wildavsky 1982, p. 1].

«Поскольку никто не может охватить все, для опасностей должна быть установлена некоторая шкала приоритетов. В противном случае простой подсчет объектов, несущих риск, оставит нас беззащитными. Ранжирование и оценка рисков, чтобы знать, с какими рисками надо иметь дело и в каком порядке, требует предварительного соглашения по поводу критерия подобной оценки... Поскольку никто не знает всего о рисках, не может быть гарантии, что те риски, которых люди стремятся избежать, именно те самые риски, которые действительно нанесут им наибольший вред. Более того, успешное преодоление одной опасности не всегда является хорошим предзнаменованием». Тем не

менее мы должны действовать, «не зная, что случится с нами на пути, который мы выбираем» [Douglas, Wildavsky 1982, p. 3—4].

Приемлемость риска в конечном счете всегда является политическим вопросом. Выбор ответной реакции зависит от альтернатив, ценностей и убеждений, которые конкурируют в обществе. В результате не существует единственного, подходящего для любой цели числа, которое бы выражало приемлемый риск для общества. Ценности есть неотъемлемая часть всякой проблемы приемлемого риска. Не существует свободного от ценностей выбора между рискованными альтернативами. Поиск объективного метода обречен на провал и может сделать ищущих слепыми в отношении ценностно обусловленных предположений, которые они делают.

Поскольку нет единственной правильной концепции риска, то не существует и способа заставить всех других принять ее. Отсюда следует главный теоретический вывод исследования: «Риск следует рассматривать как совместный продукт *знания* о будущем и *согласия* о наиболее желаемых перспективах». «Когда знание является определенным, а согласие полным, — продолжают авторы, — когда существует договоренность о целях и все альтернативы (вместе с вероятностями их осуществления) известны, может быть написана программа для осуществления наилучшего решения. В этом случае проблема является технической и решение состоит в расчете. В следующем случае, когда знание является определенным, но согласие неполным, проблема состоит в несогласии по поводу того, как оценивать последствия; здесь решение состоит либо в принуждении, либо в дальнейшей дискуссии. В третьем случае полное согласие в сочетании с неопределенным знанием приводит к определению проблемы риска как недостаточной информации. Значит, решение видится в исследовании» [Douglas, Wildavsky 1982, p. 4—6]. «Что может снизить потребность в новом знании и в то же время сфокусировать внимание на нескольких критически важных предметах? Только социальное согласие держит какую-либо проблему за рамками сопоставления. Восприятие риска — это *социальный процесс* (курсив мой. — О. Я.). Обращение к вопросам приемлемого риска без рассмотрения их социальных аспектов означало бы неправильную постановку некоторой проблемы» [Douglas, Wildavsky 1982, p. 6].

«Разные социальные принципы, которые руководят человеческим поведением, влияют на суждения о том, каких опасностей следует бояться больше всего, какие риски стоят того, чтобы на них пойти, и кому следует разрешить пойти на них. ...Тип общества порождает тип ответственности и фокусирует беспокойство на отдельных опасностях. Во многом, как и в биологии, культурная теория восприятия риска рассматривает социальную среду, принципы выбора и воспринимающий субъект как единую систему. Эта теория не игнорирует реальности опасностей вокруг нас. Поэтому наш главный тезис состоит в том, что любая форма общества производит свой собственный взгляд на природную среду, который влияет на его выбор опасностей, заслуживающих внимания. Атрибуция ответственности за природные бедствия является нормальной стратегией для защиты определенного набора ценностей, принадлежащего определенному образу жизни. Значит, основанное на культурной модели исследование восприятия риска пытается обнаружить, как различия в характеристиках общественной жизни вызывают различные реакции на опасность» [Douglas, Wildavsky 1982, p. 6-8].

Социология риска: ключевые идеи

Вывод авторов состоит в том, что *выбор рисков*, о которых беспокоятся люди, зависит от *предпочитаемых социальных форм жизни*. Выбор рисков и выбор, как жить, должны рассматриваться вместе. Каждая форма общественной жизни имеет собственный «портфель рисков», общие ценности ведут к общим страхам. Не существует разрыва между восприятием и реальностью и правильного описания правильного поведения, по крайней мере заранее. Действительные опасности не известны до того, как они наступили. Между тем, действуя в настоящем, чтобы предотвратить будущие опасности, всякая социальная система поднимает некоторые риски слишком высоко и опускает другие ниже уровня видимости. Этот культурный уклон неотделим от типа социальной организации. Принятие рисков и их предотвращение, разделяемые всеми уверенностью и страхи — это часть диалога о том, как лучше организовать социальные отношения».

«Как мы решаем, с какими рисками столкнуться? Мы выбираем риски в том же наборе, как мы выбираем наши социальные институты. Поскольку индивид не может смотреть одновременно во всех направлениях, социальная жизнь требует выбора акцента, направления. Люди организуют свой мир через социальные предпочтения». И далее: «Культурологический анализ показывает, как некоторая группа ценностей и убеждений придает смысл занимаемым людьми позициям и используемым ими практикам» [Douglas, Wildavsky 1982, p. 9].

Если исходить из того, что люди выбирают некоторое знание об определенных опасностях именно потому, что привержены определенному образу жизни, то можно предположить, что люди, разделяющие различные формы социальной организации, будут предрасположены идти на различные типы рисков (или избегать их). Иными словами, согласно Дуглас и Вильдавски, изменение людьми восприятия и выбора рисков, т. е. социально-приемлемого риска, будет зависеть от смены ими типа социальной организации.

Приемлемый уровень риска невозможно определить, изучая только взаимодействие человека с природой и технологиями. Необходимо объяснить, почему люди соглашались игнорировать большинство окружающих их потенциальных опасностей и концентрируются и организуются, чтобы противостоять только некоторым из них. Поэтому «только культурный подход может интегрировать моральные суждения о том, как должно жить, с эмпирическими данными о том, каков мир в реальности» [Douglas, Wildavsky 1982, p. 10].

В последующих работах М. Дуглас писала, что «во всех местах и во все времена мир был морализирован и политизирован». Катастрофы, загрязняющие среду, всегда интерпретируются политически: кто-то должен быть обвинен в том, что они случились. Дуглас ввела понятие «осуждающая модель опасности», т. е. поиск членами некоторого сообщества виноватых для объяснения своих бед. Концепция риска, по ее словам, является ключевой идеей современности, поскольку используется как «осуждающий ресурс» [Douglas 1992, p. 5, 24]. Тем самым риск заменил традиционное понятие греха как причины несчастий. Современная высокая озабоченность рисками есть продукт глобализации, которая порождает новый уровень межгруппового дискурса и чувства незащищенности и страха. В конечном счете эта озабоченность рисками есть часть ответного удара публики, направленного против гигантских корпораций [Douglas 1992, p. 15].

Пределы безопасности

Риск неустраним из социальной жизни. Пределы безопасности, как ни парадоксально, создаются самим обществом. «Серьезные инциденты неизбежны, как бы мы ни старались избежать их» [Perrow 1984, p. 3].

1. Как мы уже отмечали, риск выгоден. Существование опасностей есть резон для создания могущественных защитных структур, постоянного расширения их сети, увеличения ассигнований на оборону, системы слежения и оповещения, купирование чрезвычайных ситуаций. Как писал З. Бауман, борьба с рисками, порождаемыми нелIMITируемым бизнесом, и есть «главный бизнес, потому что он создает все новые поля для неограниченной научно-технической экспансии» [Bauman 1992, p. 25]. Нет нужды говорить о том, что СМИ, страховые компании и другие институты общества просто не выжили бы, не будь военных конфликтов, стихийных бедствий и техногенных катастроф. Но вот характерная деталь: страховые компании, фактически породившие практически всю рискологию, не берутся за страхование ущерба от современных масштабных рисков. Уровень доступной суммы страхования обратно пропорционален масштабу и серьезности риска [Beck 1995, 1996]. К тому же между частным страхованием и государственным регулированием существует неустранимое противоречие: всю среду застраховать невозможно (страховщик разорится), а превентивное действие против рисков путем демократических процедур всегда опаздывает.

2. Могущественные современные социальные системы далеко не рациональны в своем поведении: многое в них делается наудачу или зависит от воли случая. Принимаемые ими решения часто амбициозны, а предпочтения и, значит, избираемые стратегии, непоследовательны и непостоянны. Усилия, направляемые на коммуникацию и взаимопонимание между частями системы, часто неэффективны, подсистемы слабо связаны между собой, а усилия по социальному контролю над ними слишком грубы и непредсказуемы [Perrow 1984; Wildavsky 1988; Sagan 1995].

Чем выше неопределенность ситуации, тем менее рационально поведение организации. В критических случаях организации вообще склонны продуцировать не рациональные решения, «а беллетристику, мифы, фольклор, легенды и просто иллюзии» [March, Olsen 1988, p. 349]. Или, как это было после чернобыльской аварии, допустимая норма облучения была одним росчерком пера увеличена в 50 раз [Новая газета. 2002. 29 апр.—5 мая. С. 5].

3. Конкуренция и амбиции лидеров конфликтующих институций и организаций сдвигают безопасность вниз по шкале национальных приоритетов. Парадокс или, если угодно, замкнутый круг состоит в том, что самые опасные ситуации не только не просчитываются, но и не проигрываются именно потому, что они столь опасны.

4. Демократические общества не склонны создавать высокорискогенные организации как особые институты, т. е. как полностью изолированные от социального контекста (дилемма «открытость—закрытость»). Следовательно, эти организации могут быть указанным контекстом инфицированы. На атомных станциях всего мира персонал практически следует не только ведомственным инструкциям, но и нормам обыденной жизни, текущей за забором режимного

Социология риска: ключевые идеи

предприятия. Однако, как давно показал И. Гоффман, полностью изолированные от общества организации не гарантируют выполнения их членами всех требований безопасности: они тоже ориентированы на удовлетворение своих собственных интересов [Goffman 1961].

5. В современном открытом обществе риск всегда распространяется быстрее, чем «лечение» от него. Особенно это касается мутантов, т. е. еще неизвестных рисков, как биологических, так и социальных. Пока наука найдет, а общество опробует противоядие, мутант будет продолжать свою разрушительную работу. Это в равной мере справедливо для эпидемий и террора. Что касается замкнутых систем, то там проблема времени стоит еще острее: риск может распространяться лавинообразно (замыкание в кофеварке пассажирского авиалайнера способно поставить под угрозу все системы его жизнеобеспечения).

6. Наконец, пределы безопасности заложены в средовом постулате: среда как природная система (биосфера) или как социальная сеть, пронизывающая общество, не застрахована от природных мутаций и социогенных опасностей.

Проблема освоения

Ключевые идеи, изложенные выше, являются тем минимальным набором теоретических ресурсов, которыми должен оперировать специалист в области социологии риска. Но как ими пользоваться? И пригодны ли они вообще? Ведь Россия находится в иной фазе исторического процесса.

Я видел свою задачу во вторичном анализе и обобщении отечественного материала в изложенном концептуальном контексте, критически осмысливая его с помощью встречного потока теоретических обобщений. Неслучайно Бек для введения своих идей в научный оборот западной социологии предпринял беспрецедентную акцию — инициировал издание книги трёх авторов [Beck, Giddens, Lash 1994], в которой они не только изложили свои взгляды на «рефлексивную модернизацию» (ядро концепции общества риска), но и прибегли к самокритике и взаимной критике. Не припомню случая, чтобы видные российские социологи издали бы книгу на общую тему (скажем, по модернизации) со взаимоперекрестной критикой.

Представляется, что рассмотренные выше ключевые идеи необходимо осваивать в режиме постоянной многоуровневой рефлексии и диалога: 1) с западной социологической культурой в целом и с отдельными концепциями в частности, потому что они тоже развиваются; 2) в форме рефлексии по поводу эмпирических данных, собственных и принадлежащих другим российским исследователям; 3) диалога с массовой (практической) культурой российского общества; 4) в форме двойной, «изнутри» и «снаружи», рефлексии по поводу собственных теоретических схем и построений.

Очевидно, однако, что изложенный теоретический материал построен на разных, иногда несовместимых методологических основаниях. Поэтому, разрабатывая концепцию общества риска применительно к современной России, я был вынужден работать одновременно с несколькими понятийными аппаратами, заимствованными прежде всего из работ У. Бека и Э. Гидденса. Это означало, что я использовал их инструментально — в качестве методологических

средств, или кирпичиков, для собственных теоретических построений. Попробую представить концепцию российского общества риска в следующих измерениях: а) доминирующий взгляд на мир; б) способ производства; в) социальный порядок; г) изменения социальной структуры; д) состояние среды и повседневные практики; е) вектор социетальной динамики.

Доминирующий взгляд на мир

Его «аксиологический императив» — это борьба всех против всех. В российском обществе нет согласия (консенсуса) относительно базовых ценностей и целей, как нет и согласованного проекта будущего. Есть несколько конкурирующих политических (либеральная, коммунистическая, национал-патриотическая) и множество неполитических моделей выживания (повседневных практик).

Основополагающая нормативная модель общества — безопасность, выживание, сохранение накопленного или ранее приобретенного. Мир потенциально опасен, он состоит из враждующих группировок. Поэтому ему нельзя доверять (экзистенциальное недоверие). Спасение может дать только принадлежность к своим. Интеграция достигается поиском общего врага, причем практикуется «осуждающая модель опасности», о которой писала М. Дуглас.

Важной составляющей доминирующего взгляда на мир является императив управляемости. «Политика решает все!», и даже не политика, а манипулирование обществом, которому можно навязать любой социальный проект административными средствами. Ресурсами его реализации являются экономическое или силовое принуждение, контрресурсом — блокирование самоорганизации снизу. Собственно политическая жизнь характерна крайним цинизмом, равнодушием к гарантиям личных прав и свобод. Поскольку сила господствует над правом, «истинно живое и деятельное правосознание» отсутствует [Кистяковский 1990, с. 123].

В повседневных практиках большинства групп населения преобладает потребительский и (пере)распределительный обертон. Трудовая этика населения в основном утрачена: блага приносят связи, знакомства, удача, наконец, принуждение и насилие, но не повседневный труд. Созидание как основополагающая форма социального действия и, следовательно, как социологическая категория теряет смысл. Источники ресурсов видятся не в инвестициях или мобилизации интеллектуального потенциала, а в (силовом) перераспределении уже кем-то «приватизированных» ресурсов (власти или капитала).

Важно, что названные и другие компоненты нашего доминирующего взгляда на мир не являются результатом углубленной рефлексии, «радикального сомнения» (У. Бек). Они заимствованы, причем в данном случае неважно, взяты эти компоненты на Западе (скорая и всеобщая либерализация) или же извлечены из советского (всеобщая управляемость) или российского («державность») духовного арсенала.

Наконец, культура новой России рискогенна в том смысле, что не успевает осваивать стремительно меняющуюся ситуацию. Чтобы успевать, необходима интенсификация социокультурной рефлексии и рефлексивности. В нашем случае социокультурная рефлексия — это перманентное критическое осмысление меняющейся ситуации и публичный диалог по поводу современного состояния общества. Под рефлексивностью мы подразумеваем трансформацию ста-

Социология риска: ключевые идеи

рых и возникновение новых социальных акторов и институтов в ответ на вызовы общества риска. Слабость и политическая маргинализация большинства новых социальных движений — признак отстающей рефлексивности. Другая сторона той же проблемы и одна из главных причин формирования этого общества состоит в неспособности его правящей элиты к критическому и концептуальному мышлению. Еще одна грань проблемы рискогенности культуры новой России состоит в том, что отчужденность, заброшенность маленького человека, став нормой его жизни, еще не получила адекватного культурного ответа. Даже Чернобыль, шоковая терапия, дефолт и другие мегариски последних десятилетий все еще осваиваются человеком улицы в терминах традиционной культуры как беды, несчастья и напасти. Долготерпение, эта основа остойчивости прежнего российского общества, губительно в современных условиях.

Способ производства

Предметом моего изучения являются процессы производства рисков в особом (русском) типе переходного общества. Запад озабочен радикализацией модернизации, Россия — выживанием, а затем стабилизацией экономического и социального порядка. Там идет осмысление рисков эволюционного характера, здесь — борьба с демодернизацией и угрозой распада государства-нации. Наше общество было создано в соответствии с социальным проектом, в основе которого лежала коммунистическая доктрина. Оно явилось полигоном для самых разных моделей форсированной (насильственной) модернизации. Попытка «большого скачка» в открытый мир рыночной экономики привела к откату в мир насилия, отчужденности и архаизации. Ю.Н. Давыдов назвал это отступательное-дезинтегративное движение необратимостью распада [Давыдов 1999, с. 112].

Всякое общественное производство имеет двойственную созидательно-разрушительную природу. Потенциально всегда существуют две возможности, две траектории — накопления и растраты, подъема и спада, позитивных и негативных социальных изменений, в конечном счете эволюции и деволюции. Отсюда теоретически существуют два качественно различных типа переходного общества — созидательный и разрушительный. В обоих из них производство богатства и рисков идут бок о бок, однако способ этих производств резко различен. Общества созидательного типа, несмотря на риски и опасности, осуществляют переход к высокой (не обязательно западного типа) модернизации, наращивают свой творческий потенциал. Общества противоположного типа отмечены прогрессирующей демодернизацией. Расходуя и просто расхищая свой креативный потенциал и ресурсы, необходимые для жизни, подобные общества становятся периферией капиталистического социального пространства [Кагарлицкий 2000] или могут вообще исчезнуть с исторической арены. Это — ключевой пункт.

В соответствии с принципами Новой экологической парадигмы, о которой говорилось выше, эта двойственность траекторий социальной динамики детерминруется всеми условиями бытия, а не только другими социальными фактами. Процессы общественного производства и воспроизводства рисков являются всеобщими (всеохватывающими) именно потому, что замыкаются через среду — природную, техническую, социальную. Дихотомия «производство—отходы» оправдана лишь с частной, утилитарной точки зрения.

Еще в середине XX в. человечеству казалось, что можно успешно разводить производство полезностей и отходов, благ и бедствий, катастрофы и рутину повседневности, военные действия и мирную жизнь. Пространственное и социальное обособление оазисов процветания и остальной территории, мира богатых и бедных представлялось нормальным. Обратной стороной медали было раздвоение человека, его души и деяний на благие и греховные. Первые можно было умножать до бесконечности, от вторых быстро и безболезненно избавляться молитвой и покаянием. Исторически именно христианство дало человеку возможность дистанцироваться от произведенных им рисков (нечистивых деяний). В лучшем случае человек нес ответственность перед Богом, но не перед средой, социальной и природной, в которой он жил. Тем самым христианство морально легитимировало достижительный тип личности, которому не надо было заботиться о материальных и социальных последствиях своих поступков.

Современный мир оказался совсем другим. Он конечен, неразделим и взаимопроницаем. Земля действительно оказалась круглой, но отнюдь не только в физическом смысле. Постоянно производимые обществом последствия никуда не деваются — перемещаясь, накапливаясь, трансформируясь, они в совокупности формируют среду жизни настоящего и будущих поколений, от которой никуда не спрячешься. Историческая эпоха дистанцирования закончилась. Как мы уже говорили, Бек четко обозначил этот рубеж как конец «Другого». Война, идущая «где-то там» (Афганистан, Приднестровье, Чечня), обернулась смертельным риском для каждого российского дома. Это и есть феномен инверсии риска или, как его иначе называют, эффект бумеранга.

Производство рисков не только является прибыльным делом, оно стало мотивом, ресурсом и орудием борьбы конкурирующих групп. Чем менее новые русские уважали законы, лимитирующие производство рисков, тем больше была их прибыль. Неслучайно беспредел, т. е. самозванное право на неограниченный риск, долгое время был интегральной характеристикой их социального поведения. Производство рисков стало не только инструментом борьбы кланово-корпоративных структур, оно превратилось в ценность и в предмет торговли между государством и частными агентами производства. Обратная сторона шоковой терапии и ряда последовавших за нею конфискационных мер — это формирование социальной среды (контекста), сопротивляющейся социальным изменениям.

Производство рисков субстанционально асимметрично. Легче сделать ошибку, нежели ее исправить. Сиюминутная выгода, как правило, оборачивается длительными и дорогостоящими потерями. Это касается всех сторон общественного производства. Можно уйти в тень, спрятать криминальный бизнес под «крышей», но выход оттуда гораздо более труден и долгов [Волков 2002; Радаев 2002]. Можно сконструировать оружие массового поражения, но его длительное хранение оказывается весьма проблематичным, и еще сложнее от него избавиться окончательно. Модель «ядерной зимы» (глобальный смертельный риск), созданная российским академиком Н.Н. Моисеевым, фактически положила начало новому (что не означает более справедливому) миропорядку, поскольку порядок взаимного сдерживания, основанный на увеличении ядерных арсеналов сверхдержав, оказался тупиковым. Теперь человечество будет тратить гигантские ресурсы на ядерное разоружение. Итак, еще один вывод — это тесная связь между производством рисков и ресурсов, потребных на устранение (смягчение) их последствий.

Социология риска: ключевые идеи

Тектонические социальные сдвиги (распад СССР, разрыв сложившихся социальных и экономических связей, изменение форм собственности и политического устройства) побуждают к поискам адекватных инструментов их социологической интерпретации. В частности, именно поэтому мне представлялось необходимым ввести понятие «энергия социального распада» [Яницкий 1996; 1997; Yanitsky 2000]. По моему мнению, дезинтеграция советского государства-общества сопровождалась выделением гигантских масс энергии распада. Эта энергия — массовые действия, разрушающие социальный порядок, его нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада — это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных (или политически сконструированных) социальных акторов. Эта энергия эмпирически существует в форме потоков вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, действий неопознанных вооруженных формирований, носителей афганского, чеченского и других синдромов, выступает в форме межэтнических конфликтов, локальных войн, криминальных разборок, заказных убийств и массового терроризма.

Теоретически эмиссия этой энергии есть процесс, противоположный мобилизации ресурсов. Если креативное социальное действие требует мобилизации полезных ресурсов (людских, финансовых, информационных), то распад как деструктивное действие есть превращение этих ресурсов и их носителей в отходы, их рассеивание в среде. Если мобилизация полезных ресурсов обычно ведет к повышению уровня организованности коллективного социального актора и социума в целом, то выброс энергии распада есть признак резкого снижения этого уровня, а в пределе — превращение всей организации в отходы, в ноль организованности.

Эмиссия энергии распада (как форма социального риска) есть неизбежный продукт социальной динамики всякого общества. Любые его форсированные структурные и функциональные изменения сопровождаются потерями — появлением «ненужных» социальных ячеек и «лишних» людей. Подобные потери — обратная сторона любого трансформационного процесса. Однако в креативном обществе эта эмиссия осуществляется в таких объемах и формах, что ее можно контролировать и даже нейтрализовать. Она, в частности, поглощается рыночными структурами, территориальными или общественными организациями, постоянно порождающими новые возможности и новые организационные формы. Создаются специальные институты, локализирующие риски распада (в определенных зонах или организациях), поглощающие (системы социальной защиты) и даже трансформирующие их в формы креативного поведения (системы переподготовки, психологической поддержки и т. п.). Особую роль в этих процессах играет социальная среда.

Распад в ходе реформ «абстрактных систем», как бы эти системы ни были несовершенны в советскую эпоху, привел к утере онтологической безопасности постсоветского человека, породил всеобщее недоверие и страх: повседневная жизнь все более ненадежна и непредсказуема. Как отмечает Л.Д. Гудков, диффузные (беспричинные) страхи становятся «негативным модусом соотношения, переоценки частного и других планов существования» и в этом качестве — «элементом постоянной консервативной блокировки институциональных изменений» [Гудков 2000, с. 436—438].

Совокупным результатом названных процессов является демодернизация российского общества, о которой уже во весь голос говорят ученые и политики [Жагарлицкий 2000; Рыбкина 2001; Явлинский 2002]. Поэтому укажу лишь на два принципиальных момента. 1. Демодернизация может быть результатом как сознательно разрушающих действий, так и самораспада некоторой организации (института) вследствие резкого изменения условий ее существования. Во всех случаях на начальном этапе выживают архаические социальные структуры. В самом деле, в ходе деструктивных процессов первыми в России деградировали структуры «всеобщего труда» — наука и высокие технологии. За ними последовала индустрия, городская и сельская, затем городские и иные социальные и социотехнические структуры. Однако слой кланово-корпоративных структур, прежде всего тех, кто владел источниками сырья или имел к ним доступ, не только сохранился, но значительно расширился.

2. Модернизация риск-асимметрична: коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, его откат назад (демодернизация) и даже просто задержка, стояние на этом пути чреваты резкой интенсификацией производства рисков. Демодернизация так же рискогенна, как и недостаточно отрефлексированный переход общества к последующей фазе модернизации. Это — фундаментальная закономерность развития современной техногенной цивилизации: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, профилактике, поддержании в рабочем состоянии. Это утверждение в равной мере справедливо по отношению к земледелию, индустрии, городскому хозяйству, инфраструктурам жизнеобеспечения, военно-техническим системам и всему остальному.

Социальный порядок

В обществе риска социальный порядок детерминирован его нормативным идеалом: не развитие, а безопасность становится главным ориентиром деятельности его социальных институтов. Этот порядок также есть результат движения во власть производителей риска. Поэтому и в сознании властвующей элиты, и в массовом сознании социальный порядок все чаще отождествляется с принуждением и насилием. Вернемся, однако, к нашим исходным посылкам.

Всякий социальный порядок зиждется на абстрактных системах и доверии к ним (Э. Гидденс). Если всякий раз эти институты и правила конструируются *ad hoc*, т. е. создаются самими игроками по случаю, то такие неформальные отношения разрушают социальный порядок. Никакая экономическая система не может нормально функционировать, если эти правила игры конструируются «по конкретной договоренности» и исполняются «по обстоятельствам». Тогда это не система, а совокупность феодальных княжеств. Суть и содержание подобных неформальных отношений — архаика, но архаика специфическая (теневая, криминальная, коррупционная). Основа функционирования абстрактных систем, по Гидденсу, — это знание правил и их исполнение, суть российской — знание нужных людей и игра по их (частным) правилам. Конечно, формальные институты и писанные законы в России существуют, но их реальное действие ситуативно, т. е. подчинено сиюминутным интересам действующих акторов. В обществе риска утилитаризм является основой социального

Социология риска: ключевые идеи

порядка и поддерживающих его институций. В этих условиях экономическая среда становится максимально неопределенной для социальных акторов, потому что нет ни доверия этим институтам, ни перспективы. Долгосрочные отношения сменяются краткосрочными взаимодействиями между друзьями и другими малыми сообществами лично знакомых людей.

Как пишет Р. Капелюшников, «социальные системы, переживающие глубокую трансформацию, являются *деинституционализированными* как бы по определению: их прежний институциональный каркас уже сломан, а новый еще не выстроен, ибо это всегда нелегкий и затяжной процесс с негарантированными результатами. В первом приближении общества переходного типа можно было бы охарактеризовать как общества с отключенными или разрушенными формальными регуляторами» [Капелюшников 2001, с. 141]. На наш взгляд, Капелюшников говорит именно об обществе риска, поскольку мы имеем дело с классической ситуацией социетального риска: общество находится в ситуации высокой неопределенности именно в то время, когда ставкой является само его существование.

Речь идет о тотально-теневой практике, охватившей Россию. Как отмечает-ся, «*духом лихоемства* оказалась проникнута вся повседневная практика субъектов хозяйственной деятельности в России» [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 112].

Что конкретно имеется в виду?

Во-первых, теневая практика представляет собою единую сеть, охватившую почти все сферы общественного бытия (а не только экономику) и соответственно все группы самостоятельного населения страны. Сложилась и укрепилась единая всеохватывающая система теневых обменов [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 12-13, 51].

Во-вторых, всеобщность теневиизации есть, по нашему мнению, формирование нового социального порядка. Из экономического порядка он постепенно превращается в правовой (господство обычного или, точнее, силового порядка) и, проникая в другие, неэкономические, сферы — образование, бытовое и медицинское обслуживание, становится собственно социетальным, т. е. всеобщим.

В-третьих, теневой порядок носит отнюдь не либеральный, а принудительный и даже репрессивный характер. Теневая экономика не просто существует внутри официальной, она «обрекает и понуждает». В сущности данный порядок выступает как криминально организованная система безопасности для «своих». Здесь все привычные понятия не действуют или переворачиваются с ног на голову. Например, разрешение (на какой-то вид деятельности) выступает как принуждение. В терминах рискологии общество всеобщего риска представляет собой всеохватывающий рынок «разрешений на правонарушения».

В-четвертых, в обществе риска социальный порядок не гарантирует защиту граждан от криминала и иных рисков. Напротив, этот порядок выступает здесь как всеобщая неопределенность и беззащитность. Рядовой потребитель услуг, понуждаемый правилами теневого рынка к вступлению в сделку с его акторами, покидает правовое поле и попадает в полную зависимость от них и их представлений о том, что им в данный момент выгодно, а что нет. Платить приходится все равно, однако без всяких гарантий, поскольку теневой рынок постепенно разложил сферу социальной защиты. В конечном счете для рядового потребителя теневой рынок — это произвол, игра без правил. Логическим концом криминальных и теневых отношений является беспредел.

Данный порядок всеобщ и в том смысле, что не имеет системы сдержек и противовесов. Вместо разделения властей, присущих демократическому обществу, на теневом рынке «такие понятия, как *обеспечение безопасности* и *угроза безопасности*, могут быть связаны с деятельностью одних и тех же субъектов...» [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 126, 130]. Иными словами, подтверждается наша гипотеза о том, что в обществе риска производство рисков и защита от них находятся в одних и тех же руках.

В-пятых, со времен Аристотеля представление об общественном порядке связывалось с понятием общественного блага. В обществе риска само представление об общественном благе становится весьма проблематичным, поскольку существенной функцией теневого рынка является торговля общественной безопасностью, которая продается частным потребителям за деньги. Ресурсами этой торговли являются невыплаченные налоги, непредоставленные услуги, недоученные студенты, т. е. доля общественного блага, незаконно присвоенная агентами теневых отношений [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 203]. Коль скоро государственный служащий во время своей работы получает «левые» деньги, то он продает часть бесплатных общественных благ, которыми государство доверило ему распоряжаться. Таким образом, в обществе риска общественное благо не является способом гарантии общественной безопасности или формой социальной защиты, равно как и не обеспечивает равенства граждан перед законом. В этих условиях общественное благо представляет собой конкретное ограниченное благо, предоставляемое за плату некоторой теневой структурой [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 141], узурпировавшей это право. Нет нужды говорить, что обратной стороной институционализации криминала и тени является деинституционализация государства и его функций.

Еще два взаимосвязанных момента. С одной стороны, рассмотренные выше практики стабилизируют общество, однако цена подобной стабилизации слишком высока. Под консервирующей или негативной стабилизацией я подразумеваю разновидность политики, имеющей целью сохранение общества или некоторой его части путем перехода на более низкий уровень социальной организации и даже возврата к традиционным формам социальных отношений, т. е. опять же демодернизацию. В России негативная стабилизация общества была способом уменьшения эмиссии энергии распада путем традиционной, а чаще архаичной самоорганизации отдельных ячеек общества.

Но, с другой стороны, привыкание к жизни в экстремальных, мобилизационных условиях, каждодневная борьба за выживание создают в обществе чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска. Когда катастрофизм становится доминантой общественного сознания россиян, когда безразличие и апатия возрастают, когда, наконец, жизненное пространство воспринимается людьми как непригодное для жизни [Катастрофическое сознание 1999], возникает порочный круг: чем выше рискогенность среды непосредственного обитания, чем больше сил нужно положить на удовлетворение первоочередных (витальных) потребностей, тем менее люди чувствительны к угрожающему состоянию общества в целом.

Казалось бы, в последнее время ситуация начала меняться: серьезные участники рынка все чаще говорят о необходимости легализации своей деятельности. Однако на деле все обстоит сложнее: «Мы научились быстро и эффективно

Социология риска: ключевые идеи

обходить формальные нормы, а вот *возврат* в поле формальных норм оказывается трудным и длительным процессом». Более того, легальные схемы «выдавливаются» полулегальными, поскольку, «чтобы остаться на рынке, приходится снижать издержки, а это предполагает отказ от легальных схем или использование параллельных схем разной степени легальности». Таким образом запускается механизм обратного отбора (отрицательной селекции, по Сорокину): «плохие» схемы вытесняют «хорошие», а «нечестные» участники рынка одерживают верх над «честными» [Радаев 2002, с. 68, 72]. Это еще одно подтверждение гипотезы об асимметрии производства рисков.

Изменение социальной структуры

Коль скоро производство рисков прибыльно, принося деньги, власть, социальный статус, то общество приобретает новый стратификационный признак: оно разделяется на производителей и потребителей рисков. Одни страны, общности или социальные группы извлекают пользу из производства рисков, другие же подвергаются их негативному воздействию. Удел потребителей рисков — иная «польза»: льготы или компенсации за потерянное здоровье, за вынужденную жизнь в рискогенной среде. По некоторым подсчетам, сегодня около половины территории России представляет собой зоны чрезвычайных ситуаций или экологического бедствия.

Другой источник изменения социальной структуры — эмиссия энергии распада, которая трансформируется в общности «лишних» людей, как мирных, так и афессивных, стремящихся любыми средствами вернуть себе утерянный социальный статус и достойные условия жизни. Это самонаводящийся процесс: унижение порождает насилие, на «зачистки» отвечают террором, формированием партизанских групп и т. д. При длительном развитии критической ситуации в итоге формируется некоторое антисообщество или, иначе, негативный симбиоз насилия, сопротивления и страдающего мирного населения. Элементы социальной структуры в зонах чрезвычайных ситуаций нами были рассмотрены специально [Яницкий 2002]. Здесь же отмечу, что подобные структуры воспроизводятся только благодаря притоку ресурсов извне, истощая ресурсный потенциал общества.

Вместе с тем, как справедливо замечает Бек, производство рисков весьма «демократично»: оно, как бумеранг, в конечном итоге поражает тех, кто наживается на производстве рисков или же считает себя застрахованным от них. Отсюда вывод: *производство рисков — мощный фактор изменения социальной структуры общества*, его перестройки по критерию степени подверженности рискам, в частности по социально-экологическому критерию, т. е. по качеству среды обитания. Это, в свою очередь, означает, что в обществе складывается определенная расстановка политических сил, соотношение которых определяет идеологию и политику развития общества [Beck 1992, p. 23].

Главным структурным результатом общества риска является формирование риск-солидарностей. Мое понимание риск-солидарности методологически ближе к таковому у К. Маркса и Н. Лумана, нежели у Э. Дюркгейма, и разрабатывается мною в рамках активистской парадигмы в социологии. Но нужны оговорки. Так, еще недавно Луман полагал, что солидарность необходима представителям низших классов, брошенных обществом на произвол судьбы [Луман 1996]. Однако,

как оказалось, это утверждение справедливо лишь для мирного времени. После событий сентября 2001 г. в Нью-Йорке и октября 2002 г. в Москве миллионы вполне обеспеченных американцев и русских испытывают огромную потребность в солидаризации. Кратко остановлюсь на основных типах риск-солидарностей.

Солидарность производителей риска может быть определена как общность людей, силовым образом приватизирующая национальные ресурсы и воспроизводственные структуры общества, включая социальный порядок, в своих эгоистических интересах. Эта риск-солидарность носит агрессивный, экспроприрующий характер уже хотя бы потому, что ее первичный финансовый, социальный, политический и иной капитал были созданы силовым образом. Нелегальность и насилие являются здесь ключевыми словами, потому что подобная солидарность создается скрыто, при помощи насилия, мобилизуя ресурсы для своего воспроизводства иллегальными способами, и защищается при помощи принуждения, основанного на насилии (или его угрозе).

Солидарность жертв риска — это общности людей, защищающих здоровье и безопасность природы и общества. Эти общности по большей части альтруистичны, поскольку оберегают здоровье и безопасность не только собственные и своих близких, но и некоторой группы или общности и даже общества в целом. Это — общности ответа на вызов со стороны риск-производителей. Подобные общности, как правило, создаются снизу, защищают сложившийся социальный порядок, действуют в рамках закона и мобилизуют наличные человеческие ресурсы для достижения своих целей.

Правда, это очень грубое разделение. В действительности диапазон риск-солидарностей чрезвычайно широк. Есть группы и сообщества, единственным занятием которых является конструирование и производство рисков, т. е. систематическое нанесение материального и физического ущерба другим (профессиональные воры, бандиты, террористы, «дикие гуси» и все разновидности идеологов, политиков и политехнологов, конструирующих социальную напряженность и разрушения).

Затем можно назвать общности, которые стремятся активно приспособиться к жизни в рискогенной среде («челноки», перекупщики, посредники и др.). Есть общности, которые производят «мирные» риски (теневики, спекулянты, коррупционеры), причем не только производят, но и претендуют на роль создателей нового социального порядка.

Наконец, это общности, которые так или иначе отвечают на вызовы риск-производителей. Они также разнообразны. Прежде всего это общности непосредственных жертв рисков (инвалиды, беженцы, вынужденные переселенцы, обманутые вкладчики, люди, в одночасье ставшие лишними, и другие жертвы социальных катаклизмов, природных и рукотворных катастроф). Существуют также оборонительные, защитные сообщества. В сущности они основаны на принципе подобных сообществ «Я голоден и боюсь!». За ними (условно) идут эскапистские сообщества, стремящиеся реально или иллюзорно обособиться от общества риска (сообщества наркоманов, секты). Далее следуют солидарности, отрицающие существующий социальный порядок (электорат, голосующий по принципу «против всех»). В конце можно поставить общности, которые тем или иным способом пытаются ослабить риски, угрожающие здоровью и жизни сво-

Социология риска: ключевые идеи

их близких и обществу в целом (союзы солдатских матерей, обеспокоенных родителей, группы спасателей).

Но все это — определения односторонние, в теоретическом смысле плоские. Как мы уже говорили, российское общество риска не имеет доминирующего взгляда на мир — ни в форме исторической точки отчета, ни внешней, референтной группы. Поэтому сущностным качеством его риск-солидарностей является двусмысленность: то, что для некоторой группы выступает благом, позитивом, то для ее оппонентов и для среды, в которой она функционирует, является риском, бедствием. Более того, для данного общества характерны вынужденные, а потому негативные солидарности. Негативная солидарность есть противоестественная общность людей, так как она основана на вынужденной (в целях самосохранения) взаимной поддержке людей с противоположными интересами и ценностями, равно как и различным социальным статусом.

Состояние среды и повседневные практики

Длительное пренебрежение науки к двойной, созидательно-разрушительной природе общественного производства, исключение проблемы его потенциальной и актуальной рискогенности из сфер государственной политики и научной рефлексии привело к тому, что риски и опасности, десятилетиями сбрасываемые в среду обитания и накапливаемые ею, стали серьезным препятствием на пути реформирования российского общества.

Эта среда не пассивна и пространственно не замкнута. Будучи интегральной частью процессов общественного производства, она все более превращается в производителя и распространителя рисков. Вообще, средовые риски — всепроникающие, мигрирующие, накапливаемые и, главное, трансформирующиеся непредсказуемым образом, суть наиболее трудно преодолеваемое наследие прошлого. Негативные побочные эффекты прошлой деятельности, аккумулированные в среде обитания, все более детерминируют нынешнее состояние российского общества.

Слово «среда» следовало бы написать с большой буквы, потому что в современном мире (ни теоретически, ни практически) не существует разделения на среду природную, техногенную и социальную. Природа социализирована, социальная жизнь технизирована, технологии все более биологизируются, очеловечиваются и т. д. Поэтому только условно и в сугубо аналитических целях можно разделять эти понятия. Только нашим невниманием к строгости собственно теоретического мышления можно объяснить употребление в трудах иных социологов бессмысленного словосочетания «окружающая среда».

Теоретически и практически важно, что среда конкретного общества всегда обладает некоторым запасом прочности (поглощающей способности), позволяющей аккумулировать сбрасываемые в нее риски без изменения принципов ее организации и функционирования. Эту устойчивость среды, ее резистентность к негативным внешним воздействиям я называю несущей способностью. Перед началом реформ несущая способность собственно социальной среды была достаточно высока. Несмотря на давление и импульсы унификации, постоянно исходившие от партийно-государственной машины, эта среда советского общества была к тому времени достаточно разнообразной, хорошо структуриро-

ванной и имевшей несколько степеней социальной защиты (общественные фонды потребления, патронаж предприятий над системами жизнеобеспечения, развитая сеть официальных и неофициальных общественных организаций, групп взаимопомощи и др.). Однако по мере углубления реформ два процесса развивались параллельно: «сбросы» рисков в социальную среду росли, а ее несущая способность вследствие интенсивной эксплуатации ее ресурсов и отсутствия средств для ее воспроизводства истощалась.

В конце концов эта среда, состоявшая из множества хрупких микромиров межперсональных общностей, идентификаций и солидарностей, соединенных паутиной слабых взаимодействий, рухнула под напором этих процессов. Порог несущей способности названной среды был преодолен, что имело несколько последствий. Прежде всего социальная среда перестала играть роль поглотителя рисков. Напротив, интенсивно атомизируясь, она стала источать их во всевозрастающих масштабах. Далее, атомизированная среда явилась ресурсом для быстрого распространения влияния старых и формирования новых рискогенных солидарностей (теневых, криминальных и других патогенных структур). К тому же эти асоциальные структуры, используя ресурсы, полученные от конвертирования власти в собственность, стали подчинять своим интересам креативные общности и солидарности, сохранившиеся от прежних времен. Наконец, интенсивное формирование общностей, целиком зависимых от притока ресурсов с Запада и поэтому не укорененных в российской среде, также явилось потенциальным источником рисков.

Это означает, что ныне социальная среда российского общества обладает значительным контрмодернизационным потенциалом или, как минимум, служит препятствием на пути модернизации страны. Одни стали частью этой среды поневоле (безработные, беженцы, вынужденные переселенцы), других она затянула сама (бомжи, алкоголики, наркоманы, проститутки, носители афганского, чеченского и иных синдромов), третьи просто сопротивляются переменам, потому что уже не верят никому, четвертые используют «лишних» людей в своих криминальных интересах.

Замечу, что в ходе реформ и наука, оказавшись в самом низу шкалы национальных приоритетов, была фактически маргинализована, а научное сообщество обречено на длительное прозябание. Представление о том, что при наличии финансирования российская наука сразу бы возродилась, является глубоко ошибочным. Кланово-корпоративные структуры обзавелись частными (политически ангажированными) экспертами и информационными службами. В нынешней России нет эпистемных сообществ, т. е. таких, которые могли бы авторитетно интерпретировать для политиков и широкой публики достижения социальных и естественных наук. В стране постепенно формируется институт адвокативной, иначе говоря обслуживающей непосредственно интересы граждан, науки. Но ее голос еще чрезвычайно слаб. Главное, однако, состоит в том, что общество перестало слышать голос ученых: даже самых выдающихся из них современные СМИ подают как последних из могикиан, морализаторов из прошлого. Обществу риска нужны комментаторы текущих катастроф и политических столкновений, но никак не аналитики «длинных волн» динамики российского общества.

Социология риска: ключевые идеи

Социальная среда активно участвует в социальной селекции. Под воздействием последней постепенно изменяется качественный состав населения: гибнут (эмигрируют, дисквалифицируются, болеют, умирают) его лучшие элементы и остаются жить и плодиться худшие. П. Сорокин подчеркивал, что «элементы морально чистые» не выдерживают раздражений среды, не могут отказаться от выполнения своего долга, что «усиливает риск гибели таких людей» [Сорокин 1990, с. 423—424]. Результат — ухудшение качества российского социума.

Наконец, рискогенные среды имеют тенденцию к институционализации. «Крыша» — первичный элемент этой институционализации. Дальше — больше. Появляются новые агенты — теневые купцы, банкиры, адвокаты, посредники, быстро растет теневая рабочая сила. Постепенно складывается теневое контрактное право, возникает теневая юстиция, в конце концов складывается институт «теневой безопасности». Как отмечают И. М. Клямкин и Л. М. Тимофеев, речь идет о «формировании своего рода *теневого порядка*, существующего параллельно официальному и во многом вопреки ему...» [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 83, 206].

Как полагают те же авторы, преступив закон, участники теневых сделок уже не могут быстро вернуться в рамки правового поля, тем более что само понятие правового поля в нормальном значении этого слова становится все более проблематичным. Таким образом, криминальный союз предпринимателей и государственных чиновников является прочным и долговременным. Авторы прямо говорят, что, поскольку субъектами теневого порядка являются как предприниматели, так и потребители, речь идет о «всеобъемлющей плотной социальной материи, о коррупционно-теневой среде, которую нельзя быстро изменить никакими законодательными и репрессивными мерами...» [Клямкин, Тимофеев 2000, с. 107-108, 204].

Вектор социальной динамики

Суммируя сказанное выше, можно заключить, что российское общество постепенно трансформируется в общество всеобщего риска. В самом деле, производство и распространение рисков приобретают всеобщий и экстерриториальный характер, охватывая в равной мере индустриальную систему, социальные институты, повседневную жизнь и биосферу. Несущая способность систем жизнеобеспечения населения многократно превышена.

Поскольку социальная жизнь обременена нарастающей чередой больших и малых рисков, опасность, рискозависимость становятся нормами повседневной жизни. Обществом овладевает апатия (астенический синдром) — привыкание к жизни в экстремальных условиях и чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска суть две стороны одной медали. Ответом на этот вызов является всемерное возрастание роли силовых структур, призванных обеспечить безопасность общества и государства. Не развитие, а безопасность становится главным ориентиром деятельности социальных акторов и социальных институтов.

Бремя рисков прошлого и новые глобальные вызовы настолько масштабны, неотложны и структурно новы (сетевая организация криминальных и террористических организаций), что общество, не имея средств для поддержания систем своего жизнеобеспечения в безопасном состоянии, постепенно теряет контроль над их функционированием. Управление рисками превращается в

«тушение пожаров», в деятельность по ликвидации череды катастроф и чрезвычайных ситуаций. Обратной стороной этого процесса является сокращение материальных и интеллектуальных ресурсов, прежде всего на научные исследования и разработки, необходимые для адекватной рефлексии по поводу собственной динамики.

По моему глубокому убеждению, пока никакой догоняющей или рецидивирующей (см.: [Наумова 1999]) модернизации в России нет. Нет даже проекта такой модернизации, не говоря о ее идеологии. Есть очевидные результаты по стабилизации текущей ситуации, но вследствие продолжения демодернизации, традиционализации и восстановления политических структур, весьма напоминающих советские времена. В итоге ключевой характеристикой общества всеобщего риска является опасный сдвиг к перемене знака: производство рисков угрожает вытеснить производство общественного богатства, будь то здоровье общества, его интеллектуальный потенциал, товары или услуги.

Это, в свою очередь, указывает на присущий властвующей элите характер социальной рефлексии. Главным недостатком элиты является неспособность к самостоятельному концептуальному мышлению, эклектическое заимствование западных рецептов и схем, отсутствие интереса к углубленному анализу прошлого многонациональной страны, в том числе и к критическому осмыслению собственных решений. Прошлое проявилось в ином — в возрождении крайней дихотомичности мышления (или — или), в неумении рассчитывать и делать рациональный выбор, в приверженности к чрезвычайно политизированному мышлению, опирающемуся исключительно на данные политических рейтингов и черный пиар.

Эту рефлексию можно назвать также технократической, инструментальной, с полным пренебрежением к ценностной, этической стороне осуществляемых реформ (судорожные поиски национальной идеи в недавнем прошлом, как известно, с треском провалились). Наконец, рефлексия, присущая правящей элите ограничена и в том смысле, что не создала стратегии существования России в формирующейся системе глобального миропорядка. «Оборонное» сознание вновь актуализировалось: внутренние и внешние риски предполагается нейтрализовать путем возведения все новых защитных структур. Необходимость трансформации самой модели социальных изменений, позволяющей снизить уровень рискогенности социетальной ситуации, даже не обсуждалась.

Возможности социологии

Ситуация в российской социологии складывается не из легких. Упадок теоретической социологии, растущий дефицит теоретических кадров вследствие оттока специалистов в сферу преподавания, незначительный интерес молодых ученых к теоретическим спекуляциям в этой новой сфере социологического знания, политизация социологии в целом, равно как и формирование «ведомственных рискологий» в недрах многочисленных и ресурсобеспеченных государственных силовых структур, наконец, развитие ряда отраслей политического знания (геополитика, политическая география), широко использующих социологические методы, — все это не способствует становлению российской социальной рискологии как отрасли

Социология риска: ключевые идеи

социологического знания. Я уже не говорю о том, что, как было показано выше, ведущие западные социологи трактуют рискологию не как отрасль, а как главенствующую общесоциологическую теорию.

В этой ситуации есть два пути развития рассматриваемой дисциплины — регистрационный и аналитический. По мере возникновения чрезвычайных ситуаций и катастрофических событий как ведомственные, так и независимые исследовательские центры будут продолжать регистрировать колебания общественного мнения, страхов и тревог. Это опробованный путь, дающий к тому же средства для существования подобных организаций. В этом социология почти не отличается от других сфер общественного производства: «риск приносит капитал», финансовый и социальный. Но такой путь мало что может дать концептуализации России как общества риска. К тому же он ограничен дисциплинарными рамками, тогда как понимание риск-динамики страны может быть достигнуто только на междисциплинарной основе.

Аналитический путь состоит прежде всего в опробовании теоретического инструментария западной социальной рискологии на предмет ее релевантности российским реалиям. Далее, есть ряд тем (восприятие рисков, способы ответа на этот вызов различными группами населения, наконец, институционализация рисков), которые могут исследоваться уже сейчас. Конечно, без междисциплинарных связей не обойтись. Все новейшие работы западных социологов по анализу современных мегарисков были выполнены с помощью реинтерпретации медицинских, биологических или климатологических исследований. Но для развития теоретической рискологии как самостоятельной дисциплины очень важен вторичный анализ работ российских исследователей по проблемам социетальной динамики российского общества в рамках рискологического дискурса. Этих уже готовых работ вполне достаточно для первого этапа углубленной рефлексии по поводу рисков и опасностей современной России.

Литература

- Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977.
- Вернадский В.И.* Дневники 1926—1934 гг. М: Наука, 2001.
- Волков В.В.* От преступных группировок к региональным бизнес-группам // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 108-119.
- Гудков А.Д.* Страх как рамка понимания происходящего. Власть, общество, личность // Куда идет Россия?.. М.: МВШСЭН, 2000. С. 429-439.
- Давыдов Ю.Н.* Куда пришла Россия? // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. №4. С. 108-127.
- Кагарлицкий Б.Ю.* Реставрация в России. М.: Эдиториал УРСС. 2000.
- Капелюшников Р.* «Где начало того конца?...» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1.
- Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Отв. ред. В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. М.: Московский научный фонд, 1999.

- Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П. Б. Струве, С.Л. Франка: Репринтное издание 1909 г. М.: Новости (АПН), 1990.
- Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 2000.
- Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Луман Н. Общество, интеракция, социальная солидарность / Пер. Т. Козловой и Е. Мещеркиной // Человек. 1996. № 3.
- Мозговая А.В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Институт социологии РАН, 2001.
- Радаев В.В. Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002. № 1. Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Ин-т социологии РАН, 2001.
- Россия: риски и опасности «переходного» общества / Отв. ред. О.Н. Яницкий М.: Институт социологии РАН, 1998.
- Рывкина Р.В. Драма перемен. М.: Дело, 2001.
- Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, Т. 2. 1989.
- Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории: Пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; закл. ст. Е.Б. Рашковского М.: Прогресс, 1991.
- Явлинский Г.А. Демодернизация: униженные люди не создадут экономику XXI века // Новая газета. 2002. 11—13 ноября.
- Яницкий О.Н. Методологические исследования социально-экологических проблем // Вопросы философии. 1982. № 3.
- Яницкий О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1.
- Яницкий О.Н. Экологическое движение в России: Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996.
- Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. Заславской, М.: Интерцентр, 1997.
- Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 2. (www.sociologica.ru).
- Adams J. Risk. L.: UCL Press, 1995.
- Bauman Z. The Solution as Problem // The Times Higher Education Supplement. 1992. 13 November.
- Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L.: SAGE, 1992.
- Beck U. The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization // Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994, P. 1—55.
- Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society. New Jersey: Humanities Press, 1995.
- Beck U. Risk Society and the Provident State // Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology / Ed. by Lash S., Szerszynski B., Wynne B. L.: Sage, 1996.
- Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
- Bradbury J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk // Science, Technology & Human Values. 1984. Vol. 14. No 4.
- Catton W.R., Dunlap R.E. A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24. No 1.

Социология риска: ключевые идеи

- Douglas M.* Risk Acceptability According to the Social Sciences. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1985.
- Douglas M.* Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992.
- Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
- Dunlap R.* Paradigmatic Change in Social Science: From Human Exemptions to an Ecological Paradigm // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24. No 1.
- Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990.
- Giddens A.* Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 56-109.
- Goffman E.* Asylums. Essays on Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. N.Y.: Doubleday, 1961.
- Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.
- Lupton D.* Risk. L.; N.Y.: Routledge, 1999.
- March J. G, J.P. Olsen.* The Uncertainty of the Past: Organizational Learning under Ambiguity // Decisions and Organizations / Ed. by J.G. March. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1988.
- Park R.E., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1924.
- Perrow Ch.* Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1984.
- Rosa Eu.* Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of Risk Research. 1998. No 1 (1). P. 15-44.
- Sagan S.D.* The Limits of Safety. Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons. Princeton: Princeton Univ. Press, 1995.
- Short J.F., Jr.* The Social Fabric of Risk: Towards the Social Transformation of Risk Analysis // American Sociological Review. 1984. Vol. 49 (December). P. 711—725.
- Slovic P.* Perception of Risk // Science. 1987. Vol. 236. P. 280-285.
- Spengler O.* The Decline of the West. 20th edition. N.Y.: Random House, 1996.
- Wildavsky A.* Searching for Safety. New Brunswick, N.Y.: Transaction Book, 1988.
- Yanitsky O.* Sustainability and Risk. The Case of Russia // Innovation: The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13. № 3. P. 265-277.